

Реформирование пенитенциарной системы на Украине
в конце 19 – начале 20 вв. на примере
Таврической губернии.

Зародившиеся в недрах феодально–крепостнической системы капиталистические отношения в России во 2–ой половине 19 в. привели к принципиальным, коренным изменениям не только в области экономики, общественных отношений, но и в политической структуре государства. Следом за крестьянской, под влиянием буржуазных кругов и наиболее прогрессивной части дворянского сословия, были проведены земская, городская, военная, судебная и иные реформы.

В то же время как уголовное законодательство, так и пенитенциарная система России во 2–ой половине 19 в. полностью не соответствовали новым общественным и экономическим отношениям в государстве. После проведения буржуазных реформ они не только не отражали новых социальных отношений, но и не могли в полной мере эффективно защитить интересы как государства, императорского двора и в целом дворянского сословия, так и нового влиятельного класса – буржуазии. Они оказались неспособны поставить заслон ряду имущественных преступлений, характерных для капиталистических отношений, защитить частные права граждан, а также противостоять политической и экономической борьбе зародившегося класса пролетариата.

В 1872 г. была создана комиссия «Тюремного преобразования» с целью учреждения новых судебных установлений и издания Устава уголовного судопроизводства [1, с.7] . В 1879 г. в системе МВД России было образовано главное тюремное управление (ГТУ), до этого централизация отсутствовала [1, с.10]. Между центральным органом управления местами заключения – «Департаментом полиции исполнительной» и местными органами – губернскими правлениями и «тюремными комитетами общества попечительного о тюрьмах» - не было постоянной и неразрывной связи. Инспекция тюремных учреждений практически не осуществлялась. Тюремная система отличалась полной дезорганизацией и крайне неудовлетворительным состоянием ведения тюремного дела, отсутствием на местах органов, способных организовать нормальную деятельность мест заключения [7, сс. 119 – 120].

В штаты ГТУ были введены должности главных тюремных инспекторов [1, с.10]. Управление состояло из нескольких отделений с различными административными и хозяйственными задачами. В частности, делопроизводство 1 – по личному составу (терминология того времени - А. Г.), 3 – распорядительное, 4 – хозяйственное, 8 – по части законодательной и статистической и др. [8 ,л.4].

В 1880 г. для надзора за деятельностью местных тюрем в губерниях были образованы должности тюремных инспекторов [5, с.227], а в 1890 г. были созданы губернские тюремные инспекции [4, с.71]. Губернские тюремные инспекторы

становились главами местных тюремных управлений (инспекций). Они, а также их помощники, назначались ГТУ. Причем согласия губернаторов на такое назначение не требовалось. Для осуществления своих функций инспектор наделялся определенной дисциплинарной властью [7, сс. 133 – 134].

Свое существование ГТУ начало с обращения к Главным тюремным управлениям Англии, Франции, Италии и Швеции, в котором просило помощи в реформировании пенитенциарной системы России [1, с.358]. Вопросам усовершенствования работы тюрем была посвящена и поездка в 1885 г. начальника ГТУ по тюрьмам юга России, в том числе и по Таврической губернии [1, с.362]. В связи с возросшим значением прокуратуры в уголовном судопроизводстве в декабре 1895 г. ГТУ вместе с многочисленной и сложной системой тюрем было передано из МВД в Министерство юстиции. К началу 20 в. ГТУ были подведомственны 895 тюрем разных категорий, в которых в 1900 г. пребывало почти 700 тыс. человек [5, с.217]. На территории Украины находились 104 тюрьмы «общего устройства» [6, с. 266].

В пределах Таврической губернии к началу 20 в. действовали 7 тюремных замков: в Симферополе, Мелитополе, Бердянске, Феодосии, Перекопе, Евпатории и Алешках (нынешний г. Цюрупинск Херсонской обл. – А.Г.). Последние два (в Евпатории и Алешках) помещались в частных домах. Кроме того, в Ялте при земском арестантском доме имелось специальное помещение (арестантское отделение) для 20 следственных арестантов [9, л.28], а в Симферополе – исправительное арестантское отделение [6, с.269], которые, наряду с тюрьмами, также считались местами лишения свободы [3, т.14, с.148]. Севастопольская и Керченская тюрьмы не находились в ведении Таврической губернской инспекции. В частности, Керченский тюремный замок, существовавший с 1863 по 1919 гг., находился в ведении Керчь–Еникальского градоначальства и самостоятельно осуществлял переписку с ГТУ [10, л.28].

Необходимо отметить, что в переписке администраций тюрем с губернской тюремной инспекцией не было единообразия в названиях этих учреждений. Здесь встречаются названия: «тюрьма», «тюремный замок», «губернская тюрьма» (Симферополь), «уездная тюрьма» (Перекоп, Феодосия и др.). Так, 6.11.1910 г. начальнику Алешковской тюрьмы из инспекции напоминали, что «согласно Высочайше утвержденным 15.06.1887 г. штатам в Алешках существует уездная тюрьма, а не тюремный замок, как указано на бланках» [9, л.561].

Перечисленные тюрьмы губернии были рассчитаны (по кубическому содержанию воздуха): Симферопольская – на 400 человек, Бердянская – 120, Мелитопольская – 102, Перекопская – 100, Феодосийская – 75, Евпаторийская – 25 [9, л. 28]. Однако постоянным спутником тюремного быта России являлось чрезмерное переполнение тюрем, в том числе и в Таврической губернии, что являлось одной из причин, затруднявших их деятельность.

Согласно Уставу о содержащихся под стражей 1890 г., просуществовавшему до свержения царизма, в перечень мест содержания под стражей гражданского ведомства включались: помещения для подвергаемых аресту; арестантские помещения при полиции; тюрьмы (губернские, областные, уездные); исправительные арестантские отделения; тюрьмы для содержания преступников, приговоренных к каторжным работам; пересыльные тюрьмы [3, т. 14, с.148]. В

Таврической губернии существовали все перечисленные виды мест заключения, кроме последних двух.

Устав перечислял и 4 контингента лиц, которые подлежали разделному содержанию в этих учреждениях (терминология того времени – А.Г.):

- как мера пресечения способов уклонения от следствия и суда (следственные арестанты);
- как мера пресечения и наказания (срочные арестанты);
- для содержания неисправных должников;
- для содержания пересыльных арестантов [3, т. 14, с. 148].

Однако чрезмерное переполнение тюрем, согласно докладу начальника Феодосийской тюрьмы в губернскую инспекцию в январе 1910 г., не давало возможности не только содержать различные категории арестантов по перечисленным видам мест лишения свободы, но даже возможности их раздельного нахождения в условиях одной тюрьмы [9, л.31]. Вся арестантская масса содержалась без разделения по категориям, и следственные арестанты были в одних камерах с осужденными, приговоренные к кратковременному аресту – вместе с каторжными [1, с.345].

В 80–х годах 19 в. прекратили свое существование арестантские роты, смирительные и работные дома, а также долговые тюрьмы [7, с. 236]. В начале 20 в. часть осужденных к кратковременному аресту, наряду с тюрьмами и арестантскими отделениями, помещались в кардегардии (арестантские помещения) городских и уездных полицейских управлений губернии. Так, в течение 1906 г. в кардегардиях Евпаторийского уездного полицейского управления содержалось 1126 лиц мужского и 9 женского пола, Симферопольского уездного полицейского управления, соответственно - 872 и 20 [12, лл. 188, 192-193]. Кроме того, необходимой принадлежностью каждого волостного управления и состоящего при нем волостного суда была «холодная» изба [2, с.19].

В сведениях о количестве арестантов отдельно указывалось число лиц мужского и женского пола. Полной изоляции женщин от мужчин в местах лишения свободы не было. Обычно женщины помещались в отдельных коридорах и камерах, а такое помещение женщин не исключало возможности общения полов между собой [1, с.385]. Так, во время проверки в начале мая 1908 г. Симферопольской тюрьмы помощником начальника ГТУ в качестве недостатков отмечалось и то, что «камеры в женском отделении тюрьмы всегда отперты» [8, л.1].

Во всех тюрьмах губернии, кроме Евпаторийской, для лечения больных арестантов существовали тюремные больницы. В Евпатории, в случае серьезного заболевания, больные отправлялись в местную земскую больницу. Медикаменты для больных отпускались из казны [9, л.28].

Для предупреждения побегов арестантов 7.04.1907 г. в тюрьмах были введены кандалы [3, т. 14, с.203]. Это вызвало негодование общественного мнения как в России, так и за рубежом. В заграничной прессе (в частности, английской и американской) периодически появлялись сообщения о жестокости режима в российских тюрьмах [1, с.358]. Кандалы назначались арестантам, осужденным к каторге, а также за тяжкие преступления [5, сс.124 – 125]. Так, помощник начальника ГТУ в ходе проверки в начале мая 1908 г. Симферопольской тюрьмы в качестве серьезного недостатка отмечал то, что

«большинство каторжных содержалось без уважительных причин не закованными в кандалы» [8, л.1].

Непременным атрибутом тюремного быта являлось широкое применение мер, унижающих человеческое достоинство, вызывающих физические и нравственные страдания. Для ссыльно–каторжных заключенных устанавливались позорящие знаки в виде двух четырехугольных лоскутов отличительного от самой одежды цвета. В циркуляре министра внутренних дел Дурново от 30.03.1892 г. предписывалось при обращении приговоров к исполнению арестантам каторжного разряда брить правую половину головы, а осужденным, ссылаемым на поселение, и бродягам – левую сторону головы [7, с.124].

Законом от 23.05.1901 г. устанавливался перечень дисциплинарных наказаний за нарушение режима отбывания в местах лишения свободы. Этот перечень включал в себя: выговор; лишение права чтения, переписки, свиданий, покупки на свои деньги припасов, вплоть до оставления на хлебе и воде; заключение в карцер «светлый» (до месяца) и «темный» (прерывался переводом на 3 дня в «светлый»). В тюрьмах оставалось унаследованное от 19 в. применение розог и плети [3, т.14, сс. 202 – 203].

Помещение в карцер широко применялось в таврических тюрьмах за разного рода серьезные нарушения режима. Так, за попытку побега путем разбора дымохода печи 6.05.1910 г. в Мелитопольской тюрьме арестант 7 суток содержался в «темном» карцере. В ноябре 1910 г. за оскорбление Его Императорского Величества в Бердянской тюрьме арестант был помещен также на 7 суток в «темный» карцер [11, лл. 16 – 17, 130].

Всевластие и произвол администрации тюрем в отношении заключенных дополнялись кулачным правом среди самих осужденных, основанным на жестокой и четкой иерархии в среде преступного мира. Тюрьма, как известно, являлась местом отбывания наказания не только закоренелых преступников, но и людей случайных, совершивших незначительные преступления в силу различных жизненных обстоятельств. Именно для последней категории заключенных тюрьма представляла собой ад.

Необходимо отметить, что руководство тюремных учреждений уделяло большое внимание вопросам недопущения побегов арестантов. Об этом говорит и тот факт, что за 2–е полугодие 1909 г. в тюрьмах губернии (5773 арестанта) побегов допущено не было [10, с.34]. На протяжении 1910 – 1911 гг. отмечались лишь редкие случаи побегов арестантов во время их вывода на различные хозяйственные работы из тюрем. ГТУ и губернская тюремная инспекция довольно остро реагировали на сообщения о попытках побегов из тюрем и требовали от руководства учреждений предоставления информации по каждому такому случаю, а также принятия мер - как наказания к виновным, арестантам и допустившим это сотрудникам, так и поощрения к тем надзирателям, которые пресекли побег.

Так, 23.01.1910 г. путем пролома стены в предбаннике была совершена попытка побега срочного арестанта Карташова из Феодосийской тюрьмы. Этот факт заинтересовал ГТУ, и оно 12.02.1910 г. потребовало направить дополнительную информацию по данному случаю. По результатам проверки этого происшествия дисциплинарному взысканию был подвергнут ст. надзиратель [11, лл. 3 – 6]. А за допущение побега в ночь на 21.01.1910 г. из ассенизационного обоза

срочного арестанта Кадыра Ибрагима–оглы было возбуждено уголовное дело в отношении надзирателей Симферопольской тюрьмы Педенко и Варсеева по пп.1 и 2 ст.452 Уложения о наказании (упущения по службе), которое затем было передано прокурору Симферопольского окружного суда [11, лл. 9 – 12].

Учащение случаев побегов арестантов в 1910 г. побудило ГТУ направить в губернию директиву с требованием «неуклонного соблюдения циркуляра Главного управления от 15.07.1906 г. за № 14 п.5, воспреещающего вывод арестантов из мест заключения для покупок, сбыта изделий и т.д.» [11, л. 103]. Кроме того, управление потребовало от начальников тюрем губернии принять все меры для недопущения побегов арестантов [11, л.57].

В случае удавшихся побегов администрациями мест заключения совместно с органами полиции проводились широкие меры розыскного характера. При побегах арестантов немедленно информировались все городские и уездные полицейские управления губернии. В редакцию Таврических Губернских Ведомостей направлялись фотографии и приметы бежавших с целью их обнародования [11, л.66].

Неоднократно имели случаи побегов задержанных и из полицейских кардегардий. Так, в ночь на 18.05.1910 г. путем перепиливания оконной решетки трое арестантов, задержанных за кражи, дезертирство и хранение огнестрельного оружия, совершили побег из кардегардии полицейского надзирателя пос. Джанкой [11, л.22].

В связи с ростом революционного движения во всей империи общеуголовные тюрьмы еще с конца 70-х гг. 19 в. становились во многих случаях местом заключения для политических арестантов. Это было также следствием того, что с ликвидацией 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (политическая полиция) в ведение МВД, а затем Министерства юстиции попали и политические тюрьмы (Петропавловская и Шлиссельбургская) [5, с.236]. «Политические преступники, - говорилось в секретном циркуляре департамента полиции от 15.08.1878 г., - составляют совершенно особую категорию, а поэтому и должны быть содержаны отдельно от прочих заключенных». [5, с. 117]. Известный исследователь царской тюрьмы историк и юрист М.Н. Гернет отмечал, что в этот период истории «тюрьма была оружием в борьбе с религиозными, политическими и общеуголовными преступлениями» [1, с.46].

Не миновали этой роли и таврические тюрьмы. Так, в 1906 г. только в Феодосийской тюрьме из этого контингента лиц побывало 52 человека (осужденных и подследственных) [9, лл. 35-36]. По каждому случаю прибытия или перевода политических арестантов начальники тюрем писали рапорты на имя Таврического губернатора с указанием их данных [12, лл. 2-3].

Просветительская работа в тюрьмах сводилась в основном к религиозному воздействию на заключенных посредством распространения среди них книг соответствующего содержания [1, с.372]. Это, например, брошюра «Беседы с заключенными», молитвенник для заключенных. Посредством их осужденному внушалась мысль об отказе от побега - «отврати от меня и помысел един, еже бежати ми отсюда».

Церковь играла решающую роль в реализации комплекса мер воздействия на заключенных с целью формирования законопослушной личности. По должностному окладу священник приравнялся к начальнику тюрьмы [7, с. 128]. Для совершения богослужения при Симферопольской, Феодосийской, Бердянской и Перекопской тюрьмах имелись церкви, а в Мелитопольской, Алешковской и Евпаторийской – специально приспособленные молитвенные камеры [9, л. 28].

Накануне 20 в. встал вопрос о создании в тюрьмах библиотек [1, с. 373]. Однако он еще долго по существу не решался. Во всяком случае, архивные документы Таврической губернской тюремной инспекции нигде не указывают на наличие библиотек в тюрьмах губернии.

Не лучше обстояло дело и со школьным обучением в тюрьмах. В 1904 г. из 668 тюрем России в 120 были постоянные школы с преподаванием в лице священника и псалмовщика и редко со штатными преподавателями. Объем преподавания в основном сводился к обучению закону божьему, чтению и письму [1, с.374].

В общих камерах со взрослыми арестантами находились и подростки-правонарушители (согласно действующему тогда законодательству к уголовной ответственности не привлекались лишь дети, не достигшие 10-летнего возраста). Это явление не было изжито и до 1917 г., так как утвержденные законом от 2.06.1897 г. особые помещения для несовершеннолетних при тюрьмах и арестных домах еще долгое время не создавались. В начале 20 в. увеличение числа исправительных заведений для несовершеннолетних (в 1901 г. по России – 41) не успевало за ростом преступности среди подростков [1, сс. 379-381].

19.04.1909 г. в губернии было утверждено Положение о воспитательно-исправительных заведениях (Таврический приют), а чуть позже и Симферопольское общество исправительных приютов [9, лл. 646-647].

Закон от 13.06.1887 г. ввел в управление тюрьмами на местах, кроме начальников и их помощников, помощниц или смотрительниц женских отделений, тюремных надзирательниц (до этого – только мужская стража), а также священников, дьяконов, псалмовщиков, врачей, фельдшеров и фельдшериц [1, с.17]. В больших тюрьмах, как Симферопольская, проводилось четкое распределение функциональных обязанностей между помощниками начальников этих учреждений. Весь этот административный аппарат получал довольно скромную заработную плату, часто без казенного довольства обмундированием и продуктами. При таких условиях развивались всякие злоупотребления со стороны тюремной администрации, воровство, взяточничество, смотрители клали в свой карман заработок заключенных, пьянствовали.

Так, в результате проверки Симферопольской тюрьмы в мае 1908 г. помощником начальника ГТУ было отмечено о «непригодности состава тюремной администрации» (неудовлетворительное состояние как административной, так и хозяйственной деятельности; отсутствие дисциплины среди чинов тюремной стражи; неумелое ведение тюремного хозяйства; запущенность в делопроизводстве). Вывод был однозначным – «необходимо немедленно, по возможности, удаления начальника тюрьмы, замены помощника начальника и надзирателей» (так в тексте – А.Г.) [8, лл. 1-2]. Сменивший бывшего начальника

Симферопольской тюрьмы штабс-капитана Баланчивадова новый начальник Павлов–Сильванский вскоре был уличен в злоупотреблениях служебным положением, было возбуждено уголовное дело (по ст.ст. 339, 341, 354, 362 Уложения о наказаниях) [9, л.330]. Нередки были случаи увольнений надзирателей тюрем «за небрежности к службе и пьянство при исполнении обязанностей» [9, л.43].

Внешняя охрана тюрем осуществлялась воинскими нарядами конвойной стражи, подчиненной Военному министерству [7, с. 94]. Непосредственное руководство тюремной стражей осуществлял начальник тюрьмы, а контроль за ее деятельностью осуществлял губернский инспектор полицейской стражи. В составе стражи существовали нижние чины (полицейский, конно–полицейский стражники) и офицеры стражи (звания по армейскому образцу: поручик и т.д.) [16, лл. 15,19].

Приговоренные судами к содержанию в тюрьмах и арестных помещениях арестанты препровождались чинами полиции. Расходы по содержанию назначенных к этому нарядов полиции несли земские органы. «Такие траты не повторились бы, - сообщал Таврическому губернатору начальник Днепроградской уездной управы, - если бы, во–первых, соблюдался циркуляр по Земскому Отделу от 30.05.1904 г. за № 19 о выдержании приговоренных к аресту не свыше четырех дней не в арестных помещениях, а при Волостных Правлениях, во-вторых, приговоренные к кратковременному аресту препровождались бы при одном лишь караульном» [9, л.695].

Новое уголовное уложение 1903 г. и усовершенствование пенитенциарной системы России в полной мере отражало потребности нового общественно-политического устройства государства в виде формирующейся буржуазной монархии. С одной стороны, самым жестоким образом защищались интересы собственников, с другой – подавлялись любые проявления противодействия властям либо нарушения прав частных собственников. В то же время менее наказуемыми становятся религиозные преступления, всячески подчеркивается веротерпимость, защищаются права граждан в области семейно–брачных отношений, их честь и достоинство от клеветы, независимо от социального положения. Усилена ответственность за нарушение имущественных прав и подделку ценных бумаг, за посягательство на частную жизнь граждан, их нравственность. В тюрьмах перестали применять такие архаичные виды наказаний, как клеймение преступников, физическое наказание палками и т.д. Значительно меньше стали влиять на режим содержания в местах лишения свободы сословные привилегии.

Реформа тюремной системы внесла существенные изменения в содержание деятельности учреждений, непосредственно исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы. В дореформенный период их основной целью являлось обеспечение «возмездия за сделанное зло и ограждение общества от новых преступлений». Об этом свидетельствует содержание функций тюремных аппаратов, а также тот факт, что смотрителями тюрем назначались чины полицейского ведомства, в формах и методах работы которого преобладало насилие. Новая доктрина содержания исполнения уголовного наказания в виде тюремного заключения предусматривала прежде всего переориентацию

деятельности тюремного персонала, в основе которой предпочтение отдавалось исправительным элементам [7, с.134].

Бесспорно, к началу 20 в. как создание нового уголовного уложения, так и усовершенствование пенитенциарной системы стали существенными шагами вперед в развитии буржуазного права Российской империи. При всех своих недостатках пенитенциарная система на тот момент отражала уровень развития общества. Наряду с новым уголовным кодексом она должным образом защищала интересы не только императорского двора и помещиков, но и укрепившийся буржуазный класс.

Источники и литература:

1. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. т.3 - М.,1952.
2. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. т.4 - М., 1952.
3. Полный свод законов Российской империи. Книга 2.- С–Пб., 1911.
4. Шинджикашвили Д.И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. - Омск, 1974.
5. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений в дореволюционной России.- М.,1968.
6. Ярмыш А.Н. Карательный аппарат самодержавия на Украине: Дисс...докт. юрид. наук.- Харьков, 1991.
7. Органы и войска МВД России.- М.,1996.
8. Государственный архив при Совете Министров в Автономной Республике Крым, ф.37,оп.1, д.№ 86.
9. ГАК, ф.37, оп.1, д.№ 261.
10. ГАК, ф.37, оп 1, д.№ 11.
11. ГАК, ф.37, оп.1, д.№ 280.
12. ГАК, ф.37, оп.1, д.№ 57.